

ВО ФРАНЦИИ НЕТ МЕНЬШИНСТВ

Ronan Le Coadic

► To cite this version:

Ronan Le Coadic. ВО ФРАНЦИИ НЕТ МЕНЬШИНСТВ. VIII Конгресс этнографов и антропологов России, Jul 2009, Orenbourg, Russia. pp.6-11. <hal-00872699>

HAL Id: hal-00872699

<https://hal.science/hal-00872699>

Submitted on 14 Oct 2013

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Во Франции нет меньшинств

Ронан Ле Коадик

Концепт «культурного многообразия» используется для описания самых различных меньшинств, от «цветных» до инвалидов, включая женщин, этнические группы, национальные и сексуальные меньшинства. Однако насколько правомерно столь расширительное его употребление? Бесспорно, он подчеркивает то, что объединяет все эти группы. И все же нет ли риска, что излишнее обобщение может совершенно сгладить различия между ними и тем самым способствовать ложному толкованию их намерений? Нам кажется более уместным в эвристическом смысле рассматривать различные ситуации в отдельности. В данном случае мы будем следовать типологии В. Кимлики, который предложил различать *«национальные меньшинства»* (отдельные сообщества, потенциально способные реализовать определенный уровень внутригосударственной автономии управления) и *этнические группы* (иммигрантов, покинувших свою страну, чтобы обосноваться в другой)» и отличать эти две группы от так называемых *«новых социальных движений»*, а именно ассоциаций и движений, образованных сексуальными меньшинствами, женщинами, бедными, инвалидами, - всеми теми, кто вытеснен на периферию своего национального или этнического сообщества» [Kymlicka 2001 : 36]¹.

Данная статья будет посвящена исключительно положению французских² национальных меньшинств в том смысле, который

¹ Курсив в цитате мой – Р. Л. К.

² Отметим все же, что концепт «национальные меньшинства» почти не употребляется применительно к современной Франции. Его использовали в 1970-е гг. [Person 1973], после чего от него отказались, в первую очередь по политическим соображениям [Le Coadic 2009 : 31-49]. В научном смысле, как нам кажется, он не утратил ценность, поскольку позволяет, при помощи более тонкого различения, сделать хоть немного более понятным сложную проблему меньшинств вообще. Действительно, в отличие от групп иммигрантского происхождения (которые В. Кимлика предлагает называть этническими группами), национальные меньшинства живут на своей территории и чаще всего требуют не столько интеграции, сколько признания их специфики в форме более или менее развитой автономии. Само собой разумеется, что, во-первых, реальность никогда не укладывается в строгие рамки типологий, и во-вторых – что может вызвать определенные сомнения попытка анализировать ситуацию в стране при помощи концепта, который почти не имеет в ней хождения.

вкладывает в это понятие В. Кимлика³, и мы рассмотрим этот вопрос в трех плоскостях: политической, социальной и теоретической.

Политический аспект

При старом режиме

Как и многие другие государства, Франция формировалась постепенно, поглощая на протяжении веков завоеванные или присоединенные территории: Лангедок в XIII веке, Аквитанию и Прованс в XV, Бретань в XVI, Страну Басков в XVII, Лотарингию и Корсику в XVIII, Савойю и Ниццу в XIX веке. Очень рано, уже при Филиппе Красивом⁴, королевская власть сделала выбор в пользу жесткой централизации, особенно укрепившейся в годы правления Людовика XIV и абсолютной монархии. Однако центральная власть терпимо относилась к местным обычаям, традициям и наречиям – что не мешало презрительно отзываться о них, как о том свидетельствуют различные документы той эпохи⁵. Особенно важно, что вплоть до Революции 1789 г. различные провинции⁶ обладали разным статусом, что нередко было связано с теми обстоятельствами, при которых они были присоединены к французской короне.

От Революции до Четвертой республики

Курс на централизацию был не только сохранен, но и усилен после Революции: провинции были упразднены, а на смену толерантности в отношении местных культур пришло их воинствующее неприятие. Барэр призывал своих сограждан искоренять местные наречия, увековечивающие «власть фанатизма и суеверий» [Barère 1791]. Революционеры с недоверием относились к местным культурным особенностям и стремились превратить Францию в единое целое, подчиненное общему законодательству и управлению: «Франция не должна быть скоплением мелких наций», - писал Сийес. – «В этом вопросе ложные принципы представляют чрезвычайную опасность.

³ Помимо уже цитировавшегося определения, В. Кимлика описывает национальные меньшинства как «включение в состав расширившего свои границы государства прежде автономных и территориально ограниченных культур. Для этих интегрированных культур, которые я называю «национальными меньшинствами», характерно стремление сохраниться в качестве отдельных ансамблей, существующих параллельно с культурой большинства, и требуют автономии в той или иной форме как необходимого условия обеспечения их выживания». [Kymlicka 2001 : 24].

⁴ Со времени правления Филиппа Красивого (1268-1314) и даже его деда Людовика IX (1214-1270).

⁵ См., например: Élégé 1980; Le Menn 1984.

⁶ От латинского *provincia*, «побежденная страна».

Они приведут ни больше, ни меньше как к изоляции, разделению, раздроблению Франции на бесконечное множество мелких демократий, которые впоследствии смогут объединиться лишь на принципах неопределенной конфедерации» [Sieyès 1789].

Пятая Республика

Пришедшие на смену упраздненным провинциям регионы, некоторые из которых носят те же имена, с трудом занимают свое место в структуре государственного управления. Так, лишь в 1982 году, после длительных проволочек, этот эшелон власти, в конце концов, возвышается до статуса местного самоуправления, но так и не становится влиятельным субъектом политики. Действительно, во Франции нет автономных регионов, сравнимых с теми, что существуют в Великобритании, Германии, Испании или Италии. Лишенный законодательной и финансовой самостоятельности,⁷ этот административный эшелон обладает весьма ограниченной автономией. В этом проявляются сохраняющееся недоверие к местным органам власти и страх перед возможным развитием регионального ирредентизма.

Социальный аспект

Колонизация и расиализация

В XVIII - XIX веках сельские провинциалы (составлявшие подавляющее большинство населения) часто воспринимались как «дикири», образ которых был намеренно обобщенным и неизменным. Так, считалось, что любой бретонец, корсиканец и т. п. обладает определенными качествами, чаще всего малопривлекательными, от которых он не в силах избавиться, что мешает ему превратиться во француза. Историк Е. Вебер, опираясь на анализ текстов той эпохи, пришел к заключению, что «Францию в границах метрополии можно рассматривать как колониальную империю, сформировавшуюся на протяжении веков» [Weber 1983 : 689-704]. Такое впечатление, что сельские провинциалы рассматривались как остатки местных племен, пока еще не полностью интегрированных в состав империи. Согласно Веберу, вплоть до конца XIX века французы не были настоящей нацией, и власти пришлось силой навязать им национальное чувство.

⁷ Чтобы дать представление о размере и ограниченных финансовых ресурсах французских регионов, можно указать на то, что, с одной стороны, бюджет французского региона часто меньше, чем бюджет крупного города, и, с другой стороны, что бюджет Бретани примерно в сорок раз меньше, чем бюджет Шотландии - сопоставимого по размерам региона в Великобритании.

Насильственная ассимиляция

На втором этапе расиализация уступает место насильственной ассимиляции. Отныне считается, что провинциалы не только могут, но и должны стать истинными французами. Для этого следует вырвать их из родной среды и стереть их культурную специфику. Ассимиляция, задуманная сразу после Революции, реализовывалась постепенно, посредством воинской службы и всеобщего обязательного образования. В общих чертах этот процесс был осуществлен в период между 1880-ми и 1960-ми годами. Одним из его механизмов был запрет на употребление в школе региональных языков. Каждое утро первого из учеников, застигнутого за разговором на родном языке, учитель «награждал» специальным знаком (называвшимся «коровой»), от которого следовало как можно скорее избавиться, передав его кому-то из товарищей, также замеченному в употреблении местного наречия. В конце дня тот, у кого оказывалась «корова», подвергался наказанию⁸.

Условная терпимость

Третий период – начиная с 1950-х гг. – характеризуется условной терпимостью в отношении меньшинств. В этот момент, когда региональные языки уже практически вышли из употребления, законодательство наконец-то отводит им скромное место. Параллельно меняется и отношение к местным культурам, постепенно им удается вырваться из тесных рамок фольклоризации. Тем не менее, эти изменения носят хаотичный характер и во многом зависят от соотношения сил между регионалистскими, автономистскими или националистическими движениями и властью. Франция остается одной из европейских

⁸ « Роль *коровы* часто выполнял какой-нибудь предмет, неважно какой: морская галька, кусок дерева или дощечка, которую виновный (!) должен был носить подвешенным на шее на шнурке; сломанный деревянный башмак, кость или болт, который учитель вручал первому заговорившему по-бретонски и оскорбляющему тем самым его слух своим простонародным жаргоном. Избавиться от *коровы* можно было лишь одним способом: передать ее другому ученику; тот, в свою очередь, изо всех сил старался отделаться от нее, передав в руки третьему, и так далее, а вечером последнего обладателя *коровы* ожидало наказание. Некоторые учителя даже поощряли доносительство учеников друг на друга, хотя на уроках они же учили их тому, что доносить – гадко. Однако это правило, очевидно, не распространялось на такой проступок, как употребление местного наречия. Поди, пойми их. » [Hélias, 1982]. См. также An Du 1992.

стран, наиболее упорно сопротивляющихся предоставлению меньшинствам языковых, культурных или политических прав⁹.

Теории и мифы

Национальный миф

Нация в ее французской версии основывается на нескольких мифах. Один из них распространяется через школьные учебники¹⁰, начиная с периода Третьей Республики. Прошлое Франции представлено в них как история нации, существующей с незапамятных времен¹¹, а многообразие ее населения рассматривается не как проявление неоднородности, а как верх совершенства, как идеальное сочетание латинского, германского и кельтского начал в одном лице [Noiriel, 2001 ; Citron, 2008 ; Lipiansky

⁹ Франция отказалась поставить свою подпись под статьей 27 Международного пакта о гражданских и политических правах (принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г.) и статьей 30 Международной конвенции о правах ребенка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.): обе направлены на защиту прав меньшинств; она не ратифицировала Европейскую хартию региональных языков и языков меньшинств (принята Советом Европы 5 ноября 1992 г.) и не подписала Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств (принята Советом Европы 1 февраля 1995 г.). Вот что пишет В. Кимлика по этому поводу: «Среди всех европейских стран Франция и Греция наиболее яростно противятся этим новым концепциям государства и гражданства (*мультикультурализм и права меньшинств*). Чтобы в этом убедиться, достаточно отметить сильнейшую оппозицию в этих странах определенным формам признания меньшинств, таким как мультикультуралистский подход к иммиграции (примером служит недавний запрет ношения в школах исламских платков) или мультинациональный федерализм (вопрос о территориальной автономии для Корсики) – таких форм, которые в других странах казались бы само собой разумеющимися. Но Франция выступает против прав меньшинств не только на национальном, но и на международном уровне. Так, она блокирует или тормозит выработку европейских критериев для определения прав меньшинств в Совете Европы или в ОБСЕ.

Есть, однако, одно исключение из этого враждебного отношения к идее групповых прав: оно касается проблемы квебекцев в Канаде, т. е. потомков первых французских колонистов на североамериканском континенте. Их требования предоставления языковых прав и установления автономии встречают во Франции полное понимание. Многие англо-канадцы видят в этой поддержке Францией Квебека противоречие, или даже проявление лицемерия и этнического шовинизма, поскольку в иных случаях Франция отказывается признавать особые групповые права как у себя в стране, так и за рубежом. Со своей стороны я считаю исторические притязания квебекцев на языковые права и автономию оправданными... и вполне совместимыми с демократическими и либеральными принципами. Но если принцип здравого смысла побуждает нас удовлетворить требования квебекцев, то никаким здравым смыслом невозможно оправдать игнорирование подобных требований, выдвигаемых другими группами, находящимися в сходной ситуации» [Kymlicka 2001 : XII и XIII].

¹⁰ Одним из классических примеров может служить учебник «История Франции» Э. Лависса, в высшей степени патриотическое сочинение, «трогающее иногда до слез», по признанию Ф. Бюиссона, директора Начального образования в период с 1879 по 1896 гг.

¹¹ Первая глава первого тома «Истории Франции» Э. Лависса начиналась так: «Две тысячи лет назад Франция называлась Галлией». Как подчеркивает С. Ситрон, «Когда слова «страна», «Франция», имеющие сегодня реальный смысл, помещаются в легендарное прошлое, создается впечатление, что Франция была всегда. История Франции начинается с мифа о Франции». [Citron 2008 : 34].

1991]. Кроме того, Франция предстает в роли мессианской нации, призванной просвещать остальной мир [Girardet 1983].

« Отцы Республики, проникнутые благоговением перед Францией, возложили на преподавание истории задачу воспитания патриотизма: детям страны, большая часть которых жила в деревнях, говоривших каждая на своем наречии; детям иммигрантов, уже тогда достаточно многочисленных; детям близких и далеких колоний, которым посчастливилось учиться в школе, следовало внушить любовь к Родине, единой и неделимой, и веру в ее превосходство», - пишет С. Ситрон. – «Историк Э. Лависс внедрил в школьное образование некий ТЕКСТ о прошлом, в центре которого находились вечная Франция, выведенная в образе мифологизированной Галлии и ведущая нескончаемую череду справедливых войн и законных завоеваний. Таким образом создавалась иллюзия существования родины задолго до ее формирования. Злоупотребления властью, совершенные во имя величия и единства государства, либо оправдывались, либо замалчивались.

Учебники, бывшие в ходу после Второй мировой войны и вплоть до 1968 г. все еще носили отпечаток этого текста и характерного для него стиля. Отнесенное в 1969 г. к числу развивающих предметов, преподавание истории было возобновлено в 1980-1981 гг. Новые учебники, изданные после этого возобновления, меньше вызывают к чувствам и эмоциям, но в общих чертах сохранили прежнюю логику представления прошлого: невеста откуда взявшаяся Галлия – предвестница Франции, правление Хлодвиг, на смену которому приходят Карл Великий и затем Капетинги, оправдание войн и завоеваний, ведущихся Францией.

Предопределенная будущими национальными границами, эта история приветствует территориальные завоевания как монархии, так и Республики. Победенные короной, колонизованные Республикой, дети иммигрантов не имели иной истории, кроме той, что начинается от предков-галлов.

Сегодня эта однолинейная и непрерывная история подвергается сомнению различными версиями коллективной памяти. Однако политический класс, средства массовой информации и общественное мнение по-прежнему находятся в плену предписанной модели» [Citron 2008 : 17-18].

Второй миф, т. е. весьма распространенное противопоставление французской гражданской нации, основанной на свободном волеизъявлении, германской нации, основанной на общности культуры, опирается на поверхностное сравнение. Во-первых,

аргументы французских и немецких теоретиков нации были гораздо сложнее, чем их обыкновенно представляют, и к тому же оказывали друг на друга взаимное влияние. Во-вторых, они были сформулированы в контексте националистического соперничества: теоретики обосновывали претензии государств, на службе у которых они находились [Noiriel 2001 : 137-145]. В-третьих, представление о том, что французская нация основана исключительно на желании жить вместе, очевидно не учитывает важнейшую объединяющую роль французского языка. [Dieckhoff 1996 : 48].

Республиканский миф

По причине наличия у французской нации этнической составляющей, обычно недооцениваемой, но в то же время верно подмеченной несколькими авторитетными авторами [Smith 1986 : 91 ; Nicolet 1994 : 16-17 ; Birnbaum 2004 : 278-279], одно из основных противоречий того, что можно назвать республиканским мифом¹², заключается в непрекращающемся скрытом дрейфе от абстрактного республиканского универсализма к этническому характеру французской нации. «Универсализм», который обычно противопоставляют «партикуляризму» или «релятивизму», представляет собой французский язык и культуру. Таким образом, противопоставляя универсализм партикуляризму, на деле мы противопоставляем доминирующую культуру культурам меньшинств. Республика в культурном отношении не нейтральна, и никто не может похвастаться тем, что говорит по-республикански! Зато во имя республиканских принципов отрицается само существование меньшинств [Le Coadic 2009 : 31-49].

Региональный миф

В дополнение к национальному и республиканскому мифам строится региональный миф, представляющий собой их перевернутое отражение. Если Франция считается вечной и нерукотворной, то идентичности меньшинств рассматриваются как недавние конструкции этнических националистов. Если в культурном многообразии Франции проявляется законченная национальная индивидуальность, то культурное многообразие регионов ясно демонстрирует отсутствие внутреннего единства и взаимосвязи¹³. Если же, напротив, кажется, что некое меньшинство выглядит более или менее однородным, то его претензия на собственную идентичность рассматривается как проявление

¹² Но не единственное [Rudelle 1997].

¹³ Чрезвычайно распространенный аргумент, в частности, применительно к языкам меньшинств: каждый из них есть якобы лишь несвязный набор диалектов.

дифференциалистского расизма [Laplantine 1999 : 41]. Мессианской французской нации, несущей плоды просвещения остальному миру, противопоставляются обскурантизм партикуляристских региональных идентичностей. И поскольку французская нация, как считается, основывается на желании жить вместе, все требования признания коллективных идентичностей внутри страны квалифицируются как этнизм или коммунитаризм¹⁴. Наконец, поскольку универсальное – это Франция, а универсальный язык – французский, то все что претендует на собственное относительно автономное существование, может быть только частным и второстепенным.

Заключение

В заключение зададимся вопросом об эффективности и воспроизводимости французской модели управления культурным многообразием.

Эффективность ее не вызывает ни малейших сомнений, поскольку она достигла поставленной цели искоренения культурной отличительности национальных меньшинств на французской почве. Резкое сокращение бытования региональных языков – убедительный тому пример. Согласно последним оценкам, сегодня осталось не более 200 000 человек, владеющих бретонским языком. Однако в то время как воспроизводство «объективных» культурных отличий прекращается, производство субъективных различий бьет ключом, сопровождаемое культурными и политическими требованиями, выражающимися иногда в насильственной форме, в частности, в Стране Басков, Бретани и особенно на Корсике.

Что касается воспроизводимости французской модели, то на этот вопрос трудно дать однозначный ответ. На первый взгляд кажется, что эта модель может быть реализована и в других национальных контекстах, тем более что она уже взята на вооружение в ряде стран Африки и Центральной Европы¹⁵.

¹⁴ Аргумент, регулярно выдвигаемый противниками прав меньшинств.

¹⁵ Вот что пишет по этому поводу В. Кимлика: « На самом деле, хоть я и обращаюсь к французской модели, я должен признаться, тем не менее, что меня интересует в первую очередь не то, как она работает в самой Франции. Меня больше заботит идея о том, что французскую модель можно перенести в другие страны. Не раз французские интеллектуалы и политики восхваляли ее успехи и заслуги в других странах, в частности, в Африке (например, в Камеруне) или в некоторых странах Восточной Европы... Какими бы ни были достоинства республиканской якобинской политики во Франции, я полагаю, что в иных контекстах она может иметь пагубный эффект. Идея единой и неделимой республики – источника унитарного и недифференцированного гражданства - стала для большинства и центральноевропейских стран рецептом катастрофы. Правительства этих стран стремились к централизации государственной власти, реализации ассимиляционистской концепции нации ликвидации местной автономии, особенно в регионах с преобладанием меньшинств в составе

Тем не менее, следует задуматься о реальной эффективности в современных условиях культурной политики, вдохновленной французской моделью, выработанной в конце XIX – начале XX веков. Успех насильственной ассимиляции меньшинств во Франции того времени стал возможным благодаря особому контексту, в котором она была приемлемой для того населения, которое ей подвергалось. С одной стороны, действительно, в политическом плане национальное государство, французский национализм и республиканская идеология находились на вершине своего могущества. С другой стороны, религия не была протестным фактором, поскольку ассимилируемые меньшинства исповедовали религию большинства – католицизм, а католическая церковь приняла Революцию. Наконец, экономический рост создавал благоприятную перспективу социального восхождения для тех, кто принимал французскую культуру. В отсутствие этих трех условий можно ли рассчитывать на то, что французская модель сработает? Уверенности в этом нет. Но даже если допустить, что она, тем не менее, окажется эффективной, является ли она действительно сегодня достойным примером для подражания? Соответствует ли она современным демократическим устремлениям и развитию международного права в сфере культуры?

Перевод с французского Елены Филипповой

населения. Неизбежными следствиями этих мер стала эскалация этнических конфликтов, развитие авторитарных форм управления... и блокирование развития демократических институтов гражданского общества. Эти тенденции можно наблюдать в Камеруне и Румынии – странах, конституции которых списаны под копирку с французской Конституции» [Kymlicka 2001 : xiv-xv].

Библиография

- BARERE, B. (1791). *Rapport et projet de décret, présentés au nom du Comité de salut public sur les idiomes étrangers et l'enseignement de la langue française*. Consultable sur le site : <http://www.tlfq.ulaval.ca/axl/francophonie/barere-rapport.htm>
- CITRON, S. (2008). *Le mythe national. L'histoire de France revisitée*. Paris : Les Éditions de l'Atelier.
- DIECKHOFF, A. (1996). « La déconstruction d'une illusion. L'introuvable opposition entre nationalisme politique et nationalisme culturel ». *L'Année sociologique*, pp. 43-55.
- AN DU, K. (1992). *Histoire d'un interdit. Le breton à l'école*. Lesneven : Hor Yezh.
- ÉLÉGOËT, F. (1980). « L'identité bretonne : notes sur la production de l'identité négative », *Pluriel*, 24, pp. 43-67.
- GIRARDET, R. (1983). *Le nationalisme français. Anthologie 1871-1914*. Paris : Seuil.
- HELIAS, P. J. (1982). *Le Cheval d'orgueil*. Paris : Plon, Terre humaine/Poche (première édition : 1975).
- KYMLICKA, W. (2000). « Les Droits des minorités et le multiculturalisme : l'évolution du débat anglo-américain » in KYMLICKA W. et MESURE S. (ed.), *Comprendre les identités culturelles*. Paris : Presses universitaires de France.
- KYMLICKA, W. (2001). *La Citoyenneté multiculturelle : une théorie libérale du droit des minorités*. Paris : La Découverte.
- LAPLANTINE, F. (1999). *Je, nous et les autres. Être humain au-delà des appartenances*. Paris : Le Pommier-Fayard.
- LE COADIC, R. (ed.). (2009). *Bretons, Indiens, Kabyles... Des minorités nationales ?*. Rennes : Presses universitaires de Rennes.
- LE MENN, G. (1984). « Les Bretons bretonnants d'après quelques textes et récits de voyage » (XIVe-XVe siècles), *Mémoires de la société d'histoire et d'archéologie de Bretagne*, t. LXI, pp. 105-134.
- LIPIANSKY, E. M. (1991). *L'identité française. Représentations, mythes, idéologies*. La Garenne-Colombes : Éditions de l'Espace Européen.
- NICOLET, C. (1994). *L'Idée républicaine en France (1789-1924)*. Paris : Gallimard.
- NOIRIEL, G. (2001). *État, nation et immigration*. Paris : Éditions Gallimard.
- PERSON, Y. (ed.). (1973). *Les Temps modernes*, n°s 324-325-326 : « Minorités nationales en France », août-septembre.

- RUDELLE, O. (1997). « La République aujourd'hui, mythe ou processus ? », *Les Cahiers du CEVIPOF*, n° 16, mai, consultable sur le site du CEVIPOF à l'adresse www.cevipof.msh-paris.fr/publications/cahier16.htm#top
- SIEYES E.-J. (1789). *Discours sur l'organisation du pouvoir législatif et la sanction royale*, 7 septembre 1789, Assemblée nationale constituante. Consultable sur le site : <http://www.unice.fr/ILF-CNRS/politext/Sieyes/sieyesTextes.html>
- SMITH A. (1986). *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford : Blackwell.
- WEBER E. (1983). *La fin des terroirs. La modernisation de la France rurale, 1870-1914*. Paris : Fayard.

